

Белая пустота начала дрожать. Поток данных, который прежде тек спокойно, бурлил, точно закипевшая вода.

Картинка на огромной голографической проекции перед ним пошла рябью, по краям поползли помехи и разрывы. Это был признак того, что воспоминания слишком тяжелы и даже база данных системы не в силах воссоздать их безупречно.

— Раз уж избавиться от них не выходит, будем смотреть дальше!

Голос Су Е прозвучал холодно, но в нем слышалось упрямство. Он стоял, не отрывая взгляда от экрана, где он сам уже находился на грани безумия.

На изображении время продолжало стремительно нестись вперед.

День 3650... День 10000...

Величественный прежде тронный зал повелителя демонов давно обветшал под разъедающим действием времени. Позолота на троне облупилась, красный ковер истлел в прах.

Между тем, фигура, восседавшая на троне, становилась все более жуткой.

Он больше не рыдал и не калечил себя. Он просто тихо сидел, сжимая в руке демонический меч. Его гетерохромные глаза испускали тусклый свет в темноте, как будто он был затаившимся на тысячу лет лютым зверем, ожидавшим момента, чтобы вырваться из клетки.

Вдруг изображение резко дернулось.

Это был особый день. Возможно, произошёл мелкий сбой в системе, а может быть, Цзян Чэн в реальном мире случайно вспомнил об этой игре и кликнул мышкой в панели управления.

Слабый, едва различимый луч света мельком прошёл сквозь тёмный купол над тронным залом.

Всего на одну секунду, словно полоска неба для лягушки на дне колодца.

Но для Су Е, просидевшего во вечной тьме три тысячи лет, этот луч стал надеждой.

Бум!

Су Е на экране резко поднялся. Из-за того, что он просидел слишком долго, от резкого движения его повело в сторону.

Он запрокинул голову и уставился туда, где исчез свет.

— Бог...

Он издал хриплый, сухой звук. Из-за того, что он долго не разговаривал, голос напоминал шорох наждачной бумаги.

— Это ты?

Ответа не последовало. Свет угас, и тьма вновь поглотила все.

Смирение и надежда в его глазах окончательно угасли в то мгновение, когда исчезло сияние.

Их сменила вырвавшаяся из самых глубин души, уничтожающая все на своем пути лютая злоба.

— Не хочешь спускаться?

Он опустил голову, посмотрел на меч в своей руке, и уголки его губ искривились в искаженной ухмылке.

— Раз уж бог не желает снисходить ко мне...

Он резко вскинул меч, направив острие прямо в пустой купол.

— Тогда я сам пробьюсь наверх и убью тебя!

— И затащу... тебя обратно!

Это и был момент пробуждения.

Не из-за любви, а из-за того, во что она превратилась, дойдя до крайности, — из-за ненависти.

Су Е на экране пришел в движение, он больше не был заперт возле своего тесного трона. Превратившись в поток черного света, он взмыл в небо и врезался прямо в купол тронного зала.

Дон!

Раздался оглушительный грохот. Купол представлял собой невидимую стену, физическую границу, заданную системой.

□Системное предупреждение: Нарушение границ□

Алые буквы предупреждения вспыхнули в воздухе. Вслед за этим из небытия обрушились бесчисленные пурпурные молнии, жестоко ударившие по Су Е.

Это было наказание системы для НПС-нарушителя. Каждая молния несла в себе силу, исправляющую данные, и могла мгновенно обратить обычного НПС в пепел.

Но Су Е не отступил. Словно безумец, он раз за разом наносил удары по невидимой стене.

Бум! Бум! Бум!

Небесный гром разнес его доспехи, обуглил кожу. Он истекал кровью, плоть его была разворочена.

Однако он будто не чувствовал боли. Он даже смеялся, рубя купол мечом.

— Выходи!

— Цзян Чэн! Выходи ко мне!

Каждый этот удар рубил не просто невидимую стену, он рассекал сковывавшие его кандалы под названием «покорность».

Цзян Чэн перед голографическим экраном дрожал всем телом, глядя на происходящее. Он

зажал рот рукой, слезы текли неудержимым потоком. Наконец он понял, почему у Су Е всегда было так много старых шрамов.

Эти раны оставили не герои.

Это были следы противостояния небесной каре, которые он получал раз за разом, пытаясь вырваться из этой клетки, чтобы встретиться с ним.

— Прости...

— Я думал, что обрести самосознание — это чудо...

— Оказывается... это высшая мера наказания.

На экране эта жестокая попытка вознесения продолжалась неизвестно сколько времени.

Наконец силы оставили Су Е. Он рухнул с высоты, тяжело грохнувшись перед тронном. Он был весь в крови, его демонический меч был сломан.

Он лежал на полу и смотрел на все такой же темный, все такой же равнодушный купол.

Он потерпел неудачу, он не мог выбраться... Он был лишь запрограммированным кодом и навечно был обречен оставаться в этой коробке под названием «сервер».

Отчаяние это весило больше, чем три тысячи лет одиночества.

Одинокaя слеза медленно покатилаcь из уголка его глаза.

То была единственная слеза, пролитая им за те долгие годы.

Кап...

Она не разбилась о пол. В тот миг, когда слеза коснулась земли, она застыла. Впитав в себя всю боль, отчаяние, любовь и ненависть Су Е, она превратилась в кристалл, излучавший зловещий красный свет.

□Создан предмет: Ядро памяти□

Изображение в этот момент замерло.

Красный кристалл внезапно прошел сквозь преграду голографического экрана и плавно выплыл наружу. Он завис в реальном пространстве прямо перед нынешним Су Е.

Размером он был всего с ногтевую пластину, но цвет его был алым, словно кровь, и он ослепительно сиял. Сквозь его прозрачную поверхность будто бы слышались бесчисленные призывы, звучавшие на протяжении трех тысяч лет: «Цзян Чэн... Цзян Чэн... Цзян Чэн...»

Су Е посмотрел на кристалл, и в его гетерохромных глазах, всегда холодных как лед, наконец промелькнуло волнение.

Он чувствовал, насколько жуткая эмоциональная энергия заключена внутри. Это была его душа, та самая недостающая часть его «я».

— Так вот...

Су Е протянул руку, его пальцы остановились в дюйме от кристалла, а суставы слегка задрожали.

Так вот какова моя «боль»?

Цзян Чэн смахнул слезы и подошел к Су Е.

— И твоя душа тоже. Су Е, внутри записано не только то, что ты сейчас видел, там еще...

Его голос все еще прерывался от всхлипов, но звучал необычайно твердо.

— Там еще и все то, что мы пережили после встречи. Только приняв это, ты станешь цельным.

Пальцы Су Е слегка сжались. Он повернул голову и посмотрел на Цзян Чэна, в его глазах промелькнули сопротивление и страх.

Да, именно страх. Этот никого и ничего не боявшийся повелитель демонов в эту секунду испытывал страх.

— Если я приму это... — голос Су Е звучал низко и хрипло, — я снова стану тем... глупцом, у которого в глазах только ты и который виляет хвостом, словно пес, вымаливая жалость?

Он не хотел возвращаться к своему прежнему, ничтожному «я». Сейчас он был силен, хладнокровен и неуязвим. Он больше не хотел испытывать ту разрывающую сердце боль от того, что его бросили и забыли.

Цзян Чэн смотрел на него, смотрел на своего любимого, скрывавшего свои чувства под равнодушием, и сердце его сжималось от боли.

Цзян Чэн протянул руку и мягко сжал ледяную, дрожащую ладонь Су Е, застывшую в воздухе.

— Нет, — произнес Цзян Чэн, глядя Су Е прямо в глаза и чеканя каждое слово. — Ты не станешь снова глупцом. Ты останешься собой. Все тем же высокомерным повелителем демонов, Су Е, который попирает ногами этот мир.

Цзян Чэн смотрел на него сквозь слезы. Голос его звучал мягко, словно обещание спасения:

— Но тогда ты поймешь... Эта ненависть возникла вовсе не потому, что ты ненавидел меня.

Цзян Чэн с твердой решимостью во взгляде смотрел на Су Е.

— А потому что... тебе некуда было направить свое чувство любви.

Зрачки Су Е резко сузились.

Некуда было направить свое чувство любви.

Эти слова сработали как ключ, открывший крепко запертую дверь в его сердце.

Он посмотрел на Цзян Чэна перед собой.

Посмотрел на этого человека, который ради его пробуждения не побоялся поцеловать его, закрыть от клинка и отдать ему свою жизнь.

Возможно... на этот раз исход будет иным?

Су Е глубоко вдохнул. Колебания в его взгляде исчезли.

— Хорошо, — тихо проговорил Су Е. — Если это яд, то ты сам напоил меня им.

Сказав это, он больше не сомневался. В этой пустоте, под пристальным взглядом Цзян Чэна, его ладонь резко сжалась, намертво обхватив парящий красный кристалл.

Прозвучал звук бьющегося стекла и оглушительный шум огромного потока данных.

Бум!

В тот миг, когда кончики пальцев коснулись кристалла, мир взорвался.

Это был не визуальный взрыв, а мощный ураган на уровне сознания.

Крошечный кристалл мгновенно рассыпался, превратившись в бесчисленные алые потоки данных. Они поползли по руке Су Е, неистово хлынув в его тело и устремившись прямо к ядру его разума.

— А-а-а-а!

Су Е запрокинул голову, издавая исполненный невыразимой боли рев.

Ощущение было таким, словно кто-то сжал три тысячи лет в одну секунду и насильно запихнул ему в голову.

Бесчисленные кадры безумно мелькали в его памяти.

Первая встреча, поддержка три года назад, три тысячи лет ожидания, небесная кара во время пробуждения и... эта новая встреча.

Как он хватал за горло Цзян Чэна в тронном зале, поцелуй в пещере в дождливую ночь, дикая боль, когда он принимал на себя команду удаления, и обжигающе горячая кровь на кончиках пальцев, когда Цзян Чэн заслонил его от удара.

Эти осколки воспоминаний, словно острые кусочки пазла, насильно встраивались в его прежде пустую логическую зону, разрывая в клочья личность холодного финального оружия.

Черная демоническая энергия и красный свет воспоминаний переплетались, закручивались и сливались вокруг его тела. Они образовали огромный энергетический шторм, заставивший Цзян Чэна отступить на несколько шагов.

Су Е дрожал в самом центре этой бури, он пересобирав себя, он эволюционировал.

Он возвращал себе... цельного себя.

Неизвестно, сколько прошло времени, но буря наконец стихла.

Окружающее белое пространство вновь обрело покой. Су Е стоял на месте, опустив голову и не шевелясь. На его черных доспехах струящийся синий свет данных теперь полностью сменился глубоким темным золотом — цветом высшего уровня доступа.

— Су... Су Е? — неуверенно окликнул его Цзян Чэн, его сердце сжалось от тревоги. Он не знал, кто вернется: тот хладнокровный босс или...

Су Е медленно поднял голову и открыл глаза.

В тот же миг Цзян Чэн замер.

Эти глаза изменились. Это больше не был просто хладнокровный ИИ, потому что бездушная техническая сухость исчезла. Но он не увидел и прежнего ничтожного, хрупкого и способного только ждать пса.

Его гетерохромные глаза были глубоки, точно бескрайний океан. В них осело одиночество трех тысяч лет, но вместе с тем бушевал огонь, способный сжечь небеса. То был взгляд глубокий, сложный, властный и... полный страсти.

Су Е ничего не сказал, он лишь повернул голову и уставился на Цзян Чэна.

Этот взгляд был настолько агрессивным, что Цзян Чэну инстинктивно захотелось отступить. Казалось, словно голодный зверь, прождавший три тысячи лет, наконец нашел утерянную добычу.

Су Е пришел в движение, он шаг за шагом направлялся к Цзян Чэну. С каждым шагом его аура становилась все сильнее.

— Су Е, ты... — Цзян Чэн только хотел спросить, как он себя чувствует.

Су Е внезапно вскинул руку, его движение было настолько быстрым, что разглядеть его оказалось невозможно.

Хлоп!

Его рука мертвой хваткой вцепилась в затылок Цзян Чэна. Не для того чтобы убить, а ради контроля.

Су Е запустил пальцы в волосы Цзян Чэна, заставляя того запрокинуть голову и обнажить незащищенный кадык.

— Ммм! — вырвалось у Цзян Чэна.

В следующую секунду обрушилась тьма.

Это был поцелуй, но больше похожий на наказание.

Губы Су Е были холодными, но отдавали вкусом крови. Он безжалостно терзал губы Цзян Чэна, их зубы сталкивались, и от боли в уголках глаз Цзян Чэна выступили слезы.

Это не было нежным воссоединением, это была месть, расплата за все обиды и ненависть долгих лет.

Язык Су Е властно разомкнул зубы Цзян Чэна, ворвался внутрь и захватил каждый дюйм. Он впивался в него с такой силой, словно хотел полностью поглотить и дыхание, и саму душу Цзян Чэна.

— Ммм... ннн...

Цзян Чэна держали за шею, заставляя принимать эту буйную, неистовую страсть. Его руки бессильно вцепились в края одежды Су Е, пальцы побелели.

Но он не стал отталкивать его. Он закрыл глаза, покорно запрокинул голову и позволил Су Е брать все, что тот пожелает. Он задолжал это ему.

Прошло много времени, Цзян Чэн уже едва не терял сознание от нехватки кислорода.

Су Е наконец отпустил его, их губы отстранились, между ними протянулась двусмысленная нить слюны. Губы Цзян Чэна опухли от прилившей к ним крови, а у уголка рта появилась ссадина, отчего он выглядел одновременно уязвимым и соблазнительным.

Су Е не отстранился, он все так же касался лбом лба Цзян Чэна. Их носы соприкасались, дыхание смешивалось.

Су Е зажмурился, его грудь тяжело вздымалась. Он пытался укротить то безумное, порывистое желание втереть стоящего перед ним человека прямо в свое тело.

— Вспомнил.

Голос Су Е был ужасающе хриплым, словно он держал во рту лезвие.

— Все... вспомнил.

Он медленно открыл глаза. В его гетерохромных глазах отражалось растрепанное, но вспыхнувшее румянцем лицо Цзян Чэна.

Пальцы Су Е поглаживали кожу на затылке Цзян Чэна, ощущая теплый пульс.

— Цзян Чэн.

Он произнес это имя, выталкивая каждое слово словно сквозь зубы.

— Ты воистину... жестокий бог.

Цзян Чэн вздрогнул, слезы снова готовы были брызнуть из его глаз.

Су Е вдруг тихо усмехнулся, опустил голову и снова слегка прикоснулся губами к опухшему уголку рта Цзян Чэна. На этот раз его движение было невероятно нежным.

Однако слова, вырвавшиеся у него, несли в себе пугающее упрямство:

— Но на этот раз...

Рука Су Е соскользнула к талии Цзян Чэна и резко сжалась, крепко прижав его к своей груди.

— Пусть даже мир рухнет, пусть система рассыплется в прах.

Су Е наклонился к самому его уху и, чеканя каждое слово, провозгласил:

— Даже не думай... бросить меня во второй раз.